

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

DOI: 10.31857/S023620070009570-4

©2020 С.А. НИКОЛЬСКИЙ

ЧЕЛОВЕК В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ГЕРОИЗМ НА ВОЙНЕ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник — руководитель сектора философии культуры.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, 12, стр.1.

Профессор кафедры философии, культурологии и социологии.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

Российская Федерация, 173003 Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41.

Электронная почта: s-nickolsky@yandex.ru

Аннотация: Героизм — качество, способность и добродетель — был одним из решающих факторов военной победы СССР. Но рассматривать его сам по себе, в отрыве от общей характеристики Великой Отечественной войны не только как народной, но и как ведущейся одним тоталитарным государством против другого, было бы неверно. В военном героизме с неизбежностью проступали следы сталинского тоталитаризма мирного времени. Оказавшиеся на войне советские люди «из ада попадали в ад» и часто были вынуждены являть героизм, понуждаемый «рукотворными» обстоятельствами и страхом, компенсирующий ошибки и бесчеловечность, оказывающийся следствием сталинского тоталитарного зла. И если бы советским бойцам был свойствен только этот вынужденный героизм, то, сталкиваясь с фашистским героизмом, берущим начало в жажде наживы, дисциплине и долге, им одержать победу вряд ли бы удалось. Главным и основным у советского солдата

Продолжение. «Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх» см.: Человек. 2020. Т. 31, № 2.

Исследовать природу героизма в военное время, не прибегая к текстам писателей-фронтовиков, к содержащимся в них образам и примерам, вряд ли возможно. Обращение к воспроизводимым ими непосредственным переживаниям неизбежно и поэтому вносимая в текст научной статьи публицистичность является неизбежной платой за работу с этим уникальным материалом.

В статье первой [12], в которой начато рассмотрение темы человека в тоталитарном государстве, отмечалось, что в отличие от европейского тоталитаризма [3] тоталитаризм российский, берущий начало глубоко в истории и в XX столетии достигший своей высшей, ленинско-сталинской формы, имел ряд особенностей. Он часто не был направлен на конкретную общественную группу, а нацеливался безадресно в общественное пространство (был бесцельным); не имел определенного, фиксированного начала и конца (был вневременным); закреплялся в памяти человека и сообществ как целенаправленно, так и произвольно (был запоминающимся); рассчитывался на передачу от поколения к поколению (был транслируемым). Последнее его свойство реализовывалось в материальной и идеальной формах: как через язык, стихийно складывающиеся паттерны поведения людей и целенаправленно насаждаемые властью формы отношений, так и посредством смыслов и ценностей, соответствующим образом скорректированных и зафиксированных в памяти и культуре. В литературе эта производимая властью и принятая народной почвой извращающая коррекция проявлялась в широком диапазоне — от устранения неприемлемых текстов и имен¹ до допущения произведений к публичности лишь в перетолкованном, отвечающем представлениям власти виде. Так, например, вопреки роману А.С. Пушкина, в усадьбе Троекурова происходит расправа крестьян над помещиком (кинофильм 1936 года «Дубровский», автор сценария — интерпретатор романа и режиссер А.В. Ивановский), а роману «Капитанская дочка», экранизированному в 1928 году Ю.В. Таричем по сценарию В.Б. Шкловского под названием «Гвардии сержант», придается новый, созвучный строящемуся социализму смысл — борьба крестьян за землю против дворян. При этом пушкинский «невольник чести» Гринев превращается в смазливового офицера-недотепу, его «дядька» Савельич в одночасье обретает человеческое достоинство, а предатель Швабрин предстает гуманистом и вольнодумцем, пытающимся просветить мещанку Машу, дочь капитана Белогорской крепости [18].

¹ В разное время это были Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, С.А. Есенин, Н.С. Гумилёв, Е.И. Замятин, Б.А. Пильняк, И.А. Бунин, А.П. Платонов и многие другие.

Отличался ли сталинизм военного времени от довоенного? С.А. Алексиевич приводит слова своего отца: оказавшиеся на войне советские люди «из ада попадали в ад» [1, с. 10]. Вместе с тем, несколько ослабив свою репрессивную функцию в начале военного времени, сталинизм вскоре вновь нарастил ее. Так, если в разгромном 1941 году за «контрреволюционные преступления» были осуждены по всем видам наказания 29 тыс. человек, то в 1945 — 35 тыс. И если в 1941 году, когда реальных трусов было много, за «измену Родине» понесли наказание 8976 человек, то в 1942 — уже 45 050, а в 1944 — 69 895 [15, с. 130]. Неужели, даже с учетом репрессируемых за реальное или мифическое сотрудничество с гитлеровцами на освобождавшихся территориях, за месяцы до окончания войны число тех предателей, кто желал перейти или перешел на сторону врага, увеличилось по сравнению со временем начала войны в восемь раз?

Напрасными оказались и надежды на то, что тоталитарный пресс ослабнет после Отечественной войны. Как вспоминает одна из собеседниц С.А. Алексиевич, многие надеялись, что после войны все изменится, что Сталин поверит народу. Но еще не закончилась война, а эшелоны с победителями уже пошли на Колыму. Среди арестованных — бывшие в плену, выжившие в немецких концлагерях, угнанные немцами на работу, а также те, кто видел Европу и мог рассказать, как там без коммунистов и колхозов живет народ, какие там дома и дороги. После Победы все снова, боюсь, замолчали, как до войны [2, с. 20].

Вот как характеризует созданный сталинским тоталитаризмом общественно-экономический предвоенный уклад В.П. Астафьев: «Страна не была готова к затяжной войне не только в смысле техники, оружия, самолетов, танков — она не настроила людей на долгую, тяжкую битву и делала это на ходу, в судорогах, в спешке, содрогаясь от поражений на фронтах, *полной бесхозяйственности, расстройтва быта и экономики в тылу*. Сталин привычно обманывал народ, врал напрапалую в праздничной ноябрьской речи о том, что в тылу уже полный порядок, значит, и на фронте тоже скоро все изменится. Все налаживалось, строилось и чинилось на ходу. К исходу сорок второго года кое-что и кое-где и было налажено, залатано, подшито и подбрито, перенесено на новое место и даже построено, однако всевечное российское разгильдяйство, надежда на авось, воровство, попустительство, помноженное на армейскую жестокость и хамство, делали свое дело — молодяжки восемнадцати годов от роду не выдерживали натиска тяжкого времени и требований армейской жизни» (курсив мой. — С.Н.) [6, с. 63–64].

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне

“Шкура! — очнувшись от сладкой дремоты, икнул Петька Мусиков. — На тебе бы, на курве, бревна возить, а ты языком молотишь...”

И кабы один разгильдяй, кабы только несознательный элемент Петька Мусиков так думал — так думали многие бойцы, однако большинство и думать-то себе не разрешало, полагая, что так оно и должно быть: одним морды в тылу наедать, другим умирать в боевых окопах» [там же, с. 227].

Имманентные тоталитаризму в мирной жизни, основанные на страхе крайняя жестокость и отношение к солдату как к средству неизбежно приводили к большим жертвам, подталкивали людей к проявлению *героизма вынужденного, компенсирующего*, когда с его помощью скрывались последствия трусости, перестрелки, просчетов.

Но не являются ли робость, привычка к терпению и покорности, нередко перераставшие в трусость, чем-то характерным или даже природным для человека советского большинства, наследовавшего покорность из вековой истории? Наверяд ли. Скорее это пусть и глубоко сидящее, но «благоприобретенное», сформированное тоталитарным строем. В.С. Гроссман, повествуя о другом, фашистском тоталитаризме (хотя за ним легко угадывается тоталитаризм советский), раскрывает настоящую причину господства тех, кто состоял в тоталитарной партии, но никогда даже в мыслях не разделял участи других умирать в окопах на передовой. Основой вечной правоты партии, победы ее логики и философии над всякой другой логикой и философией была работа государственной тайной полиции [8, с. 357]. Последняя — главный инструмент тоталитарного строя, что не раз показано В.П. Астафьевым, В.С. Гроссманом, В.В. Быковым, К.Д. Воробьевым, Н.В. Кондратьевым, Г.Н. Владимовым и многими другими литераторами. Этот инструмент, приспособленный к военным условиям, был одной из пружин военного механизма Красной Армии.

Но почему надо верить пусть и героически сражавшемуся, но одному из миллионов рядовых бойцов и не верить генералам и полководцам, исследователям-историкам, написавшим горы трудов и дающим итогам войны оценки, которые исключают пессимизм и даже, как утверждают некоторые, очернительство, свойственные текстам В.П. Астафьева? Приведу слова писателя, обращенные к одному из военных с большими звездами на погонах: «И Вы, и полководцы, Вами руководившие, были очень плохие вояки, да и быть иными не могли, ибо находились и воевали в самой бездарной армии со времен сотворения рода человеческого. *Та армия, как и нынешняя, вышла из самого подлейшего общества — это и*

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне

по Царицыну (1918), командующим Западным направлением маршалом К.С. Тимошенко и членом Военного совета Н.С. Хрущевым. Вследствие их бездарного руководства в «котле» оказались шесть наших армий, а число погибших и попавших в плен, включая 20 генералов, превысило 200 тыс. И, как часто бывает, тут же обнаруживается тот, кому вопреки гибельным условиям приходится проявить компенсирующий, вынужденный, оплаченный большими потерями героизм. В этот раз, как пишет Астафьев, это была стрелковая дивизия генерала Лахонина, не нарушая свои порядки сумевшая не только пропустить «сквозь себя» «драпающих иванов», но и задержать наступающих немцев.

Господствовавший в мирной жизни тоталитарный страх продолжал жить и в военное время. Многих жизнь приучила если не бояться, то опасаться всех и каждого, избегать опасностей явных и возможных, не особо доверяться друг другу, а тех, кто нуждается в помощи, «не замечать», обходя стороной. Так бывало и на фронте, и в тылу. В одном из эпизодов романа «Жизнь и судьба» В.С. Гроссман рассказывает о случае, когда «слепой красноармеец, видимо недавно из госпиталя, не умея еще в одиночку справиться со своей слепотой, переминаясь суетливыми шажками, постукивая палочкой перед собой, по-детски жадно ухватился за рукав немолодой женщины: “Помогите произвести посадку, я из госпиталя”. Женщина ругнулась, пихнула слепого, он потерял равновесие, сел на мостовую. На мгновение слепой обмер, потом вскочил, закричал птичьим голосом и начал бить палкой по воздуху. Садившиеся в трамвай молодые женщины с молчаливой старательностью отпихивали старых и слабых, лезли в вагон, а он стоял, плача и вскрикивая» [10, с. 94].

Так же подробно Гроссман описывает массово проявляемый населением на оккупированных территориях антисемитизм, последовавший за немецкими распоряжениями относительно евреев. Не было ли его «обострение» следствием насаждаемого тоталитарным строем стремления воспитанного советским строем человека в чем-то солидаризироваться, подыграть власти, в чем-то укрыться от власти за спину ближнего, что в своей предельной логике выливалось в закон «умри ты сегодня, а я завтра»? Доктору, одной из героинь романа, об этом напомнили сразу же. «“Слава Богу, жидам конец”, — говорила жена дворника соседке. А темные люди из пригорода ходили грабить, захватывать квартиры, одеяла, платья; они, вероятно, боялись, чтобы их не заподозрили в несогласии с властями» [там же, с. 50–51].

Об этом же — в воспоминаниях женщин-евреек в документальной повести С.А. Алексиевич. «Когда город взяли немцы, я узнала, что я — еврейка. А до войны все жили дружно: русские,

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне

наклонить ствол), в нем есть своя высокая героика. И не важно, что использовалась она тоталитарным пропагандистским аппаратом. Героика эта — «умереть за други своя», принесение себя в жертву ради спасения товарищей — имеет смысл, далеко выходящий за идеологические границы тоталитарного или любого иного общественного устройства. Смысл этот — от христианского «смерть смертию пограл» (в конечном счете от жертвы Христа), не один раз непостижимым образом дававшего себя знать в героизме советского солдата помимо и вопреки всем пропагандистским накачкам. Помимо и вопреки — потому что у христианского и тоталитарного разные корни: у первого — свобода ради Христа, жизни вечной, у второго — основанное на страхе принуждение ради «отца народов».

Был ли свойственен героизм гитлеровцам? Об этой непопулярной в советской пропаганде теме известно мало. Но, наверное, не будет ошибкой предположить, что если такой героизм и имел место, то как продолжение фанатичной веры в «избранность» арийской расы, гений фюрера, неколебимое упрямство отдельных командиров. В повести «Пастух и пастушка» В.П. Астафьев, к примеру, описывает попытки прорыва немецких частей из советского окружения и их отчаянную оборону до последнего солдата по приказу командира-генерала, который предпочел самоубийство плену [5].

Власть, в мирное время постоянно уничтожавшая в людях чувство свободы и формировавшая основу своего могущества — страх, в войну также не прекращала работу. М.С. Солонин, историк Великой Отечественной войны, приводит цифры: всего за годы войны военными трибуналами были осуждены 2 530 683 человека, из них только 994 тыс. — военнослужащие, 1,5 млн — гражданские лица; 217 080 человек были расстреляны, из них 135 тыс. (10 дивизий) — военнослужащие, 82 тыс. — гражданские лица. В цифру 217 080 расстрелянных не вошли те, кто в ходе «следствия» до вынесения приговора не дожил, а также расстрелянные по решению Особого совещания НКВД «по возникающим в органах НКВД делам». Для сравнения: в это же время в вермахте были расстреляны 7810 человек, то есть в 28 (!) раз меньше³. Но и расстрелами дело

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне

³ А. Шпеер, один из немногих интеллектуалов в окружении Гитлера, рейхсминистр военной промышленности, вспоминает о том, как, преодолев сопротивление министерства юстиции, добился того, что дела о саботаже на вверенных ему военных предприятиях могли возбуждаться только с его санкции. Поэтому когда шеф гестапо Э. Кальтенбруннер осенью 1944 года вознамерился предать суду за «пораженческие» разговоры трех генеральных директоров (электрической компании, сталелитейных заводов и горной промышленности), Шпеер «объяснил, что сама природа нашей работы предполагает прямое обсуждение ситуации на фронтах, и таким образом оградил директоров от гестапо» [17, с. 187].

после войны далеко не сразу удалось «пробиться наружу», стать для всех понятным и признанным. Так, героизм защитников Брестской крепости, часть которых, иногда без оружия, прорывалась из окружения и попала в плен, был признан лишь спустя 20 лет благодаря непрерывным усилиям писателя С.С. Смирнова. Но когда он, завершив труд по поиску и реабилитации защитников крепости, занялся судьбой 2-й ударной армии, командиром которой в апреле 1942 года был назначен впоследствии взятый в плен и перешедший на сторону немцев генерал-лейтенант Власов, то почти сразу натолкнулся на глухую стену. Полегшие без славы, без чести и без имени командиры и красноармейцы 2-й ударной армии официально были заклеены каиновой печатью с самых высоких трибун. Правда о гибели армии была страшной, эту трагедию невозможно было списать на единственную традиционную причину — внезапность нападения Германии, да и вообще писательские расследования заводили слишком далеко. Допустив такие расследования, отмечает белорусский историк и писатель В.В. Бешанов, можно было вспомнить и о 95 тыс. бойцах, брошенных собственным командованием в городе-герое Севастополе, и о сотнях тысяч оставшихся в котле защитниках Киева, а следом, не исключено, пришлось бы переписывать и всю историю Отечественной войны. Но несмотря на последовавшую спустя десятилетия после окончания войны реабилитацию советские граждане, побывавшие в немецком плену, оставались запятанными. Они продолжали искать все новые требуемые от них документы и свидетельства о своем прошлом, доказывать свою честность. При этом в массовое сознание по-прежнему внедрялось, что настоящий советский человек всегда должен предпочесть смерть плену [7, с. 151–152].

В одном из последних изданий повести С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо» появились страницы, воспроизводящие доводы тоталитарной советской цензуры конца 1980-х годов, которая не желала считать ее текст честным. Вот два из них: «Это — ложь! Это клевета на нашего солдата, освободившего пол-Европы. На наших партизан. На наш народ-герой. Нам не нужна ваша маленькая история, нам нужна большая история. История Победы. Вы не любите наших героев! Вы не любите наши великие идеи. Идеи Маркса и Ленина»; «Да, нам тяжело далась Победа, но вы должны искать героические примеры. Их сотни. А вы показываете грязь войны. Нижнее белье. У вас наша Победа страшная... Чего вы добиваетесь?

— Правды.

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне

Свободный героизм на войне берет начало и из сознания профессионального долга. Раненый на днепровском плацдарме майор Зарубин не оставляет командования горсткой закрепившихся на берегу бойцов. Без него некому будет вести корректировку спасительного артиллерийского огня, командовать и вообще все пойдет не так, как нужно. И неважно, что его командир полка в который раз отсиживается в госпитале с «неожиданно», в который раз открывшейся язвой. Что движет майором? Из скупого авторского описания известно, что он и в школе, и в военном училище был не только из первых, но и из особых. Зарубин — возможно, единственный в Красной Армии офицер, который не то что не гнобит солдат, но даже не матерится. Профессионал, выполняющий свой долг, каким его понял, каким принял и какому присягнул. Типичный герой?

Но даже на опасном, почти гиблом участке суши, узкой полоске днепровского берега не оставляет солдата своими «заботами» тоталитарное государство. На плацдарме, конечно, нет храбрых политначальников с большими звездами на погонах. В.П. Астафьев пишет, что редко видел малых и никогда не видел больших политначальников на переднем крае, тем более ближе к концу войны, когда погибнуть было особенно обидно. Но есть другое, противоположное, ясно тоталитаризм характеризующее. Ночью на двух понтонах и на связке надутых резиновых лодок переправили на плацдарм отборный заградотрядик, душ во 100, сытый, прекрасно экипированный, вооруженный, в отличие от закрепившихся на плацдарме бойцов, новыми пулеметами. Вместе с отрядом переправлены автоматы, гранаты, винтовки — для штрафбата, контингента, осужденного на искупление вины. А вот еду, медикаменты и прочее довольствие закрепившимся на береговом выступе, голодным, считающим каждый патрон, стирающим в реке окровавленные, уже не однажды использованные бинты — переправить забыли [6, с. 353].

В ряду бойцов, изображенных писателями-фронтовиками, есть поданная несколько романтически и вместе с тем схематичная, хотя и «плакатно-выразительная»⁴ фигура офицера Сотникова,

⁴ Высказал вроде как не полагающуюся мне, не литературоведу, оценку героя повести В.В. Быкова. Думал — не убрать ли? Но потом прочитал у В.П. Астафьева: «...читал Василя Быкова. Напористо, сильно, с большим мужеством сделано, однако есть и схематизм в вещи. Она не прописана, Быков как бы торопится вывалить все, что на душе, и нагромоздил очень много, а остановиться, поразмыслить не успел или, скорее всего, не сумел. Это беда всех его вещей. Немножко бы ему баклановского добавить психологизма, аналитичности его и неторопливой пристальности...» [4, с. 53].

Из чего растет этот многогранный в своих истоках, свободный от тоталитарных оков, изначально присущий людям героизм? В повести С.А. Алексиевич присутствует мысль: «Человек больше войны» [2, с. 5]. Наверное, героизм — из человеческого в человеке. Из любви к тем, кого спасаешь. Вот девушка-санитарка прячет раненых в стоге сена и сама сгорает вместе с ними. А вот еще одна, закрывшая своим телом возлюбленного от разорвавшейся мины [там же, с. 68].

Обнаруживший себя далеко от поля брани, но тоже свободный героизм, идущий из трагических глубин мирной жизни, из терпеливой, неустанной тяги к справедливости, есть и в поступках крестьянки Степаниды (повесть В.В. Быкова «Знак беды»). Изработанная, придавленная трудной жизнью женщина ведет свою неприметную, бескровную, но все же настоящую войну с фашистами и полицаями. Еще в коллективизацию, когда для плана борьбы с «кулаками» нужно было разграбить хозяйство и сослать на поселение работающего мужика, вся вина которого состояла в том, что иногда, как это и было разрешено, он нанимал в страду помощников, Степанида нашла в себе силы голосовать против. Была она против и собирала подписи односельчан, когда позднее арестовали неугодного власти, чересчур «мягкого» колхозного председателя. И вот теперь она не может смолчать, не может не отомстить хоть чем-то оккупантам, обосновавшимся на постой в ее дворе. «...С детства она не умела насиловать себя, поступать вопреки желанию, тем более унижаться; нужных для того способностей у нее никогда не было, и она не знала даже, как это можно — ладить с немцами, особенно если те вытворяют такое. То унижение, которому они подвергли ее при первом своем появлении, не давало ей настроиться иначе, чем неприязненно, дальнейшее же и подавно вызвало у нее возмущение и ненависть к ним» [8, с. 393–394]. Часто звучавший на войне призыв «За Родину!» воплощается в последнем поступке Степаниды — она запирается от полицаяев в своем доме, не пуская в него врагов, и сгорает в огне вместе с ним.

* * *

Героизм на войне был — и не мог не быть — основой победы над фашизмом. И в то время как героизм у немцев обнаруживал себя только как долг или страх перед начальством, у героизма советских солдат было много источников. Однако природа отечественного героизма не одинакова. В каких-то своих проявлениях он в большей или меньшей мере нес на себе следы тоталитарного строя, в том числе проявлялся и как реакция на военное бытие,

A Person in a Totalitarian State

Article Two. Heroism in War

Sergei A. Nickolsky

DSc in Philosophy, Associate Professor, Chief Research Fellow —
Head of the Philosophy of Culture Sector.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

41, Bol'shaya St. Peterburgskaya Str., Velikiy Novgorod 173003,

Russian Federation.

E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Abstract. Heroism — a quality, ability and virtue — was one of the decisive factors of the Soviet military victory. But it would be wrong to consider it itself, in isolation from the general characteristics of the Great Patriotic war, not only as a people's war, but also as being waged by one totalitarian state against another. In this quality there inevitably appeared the traces of Stalinist totalitarianism of peacetime. Caught up in the war, Soviet people “went from hell to hell” and were often forced to show heroism, forced by man-made circumstances, forced by fear, compensating for mistakes and inhumanity, which is the result of Stalin's totalitarian evil. And if the Soviet soldiers were characterized only by this forced heroism, then, faced with the fascist heroism, which originated from the thirst for profit, discipline and duty, it would be hardly possible to win. The main reason for the Soviet soldier was a free heroism, which showed itself outside of totalitarian actions and ideology, and after the war did not immediately break out. Free military heroism had its origins. They are in the good that has ever fallen to everyone in life. For someone, the most important, the first source of heroism was the mother, family, home. For another, it is the perceived meanings and values of a great culture. For someone — loyalty to the oath and professional duty. For another one — the values and meanings of Christianity. What in reality was the correlation between the forced and free heroism, it is impossible to say. Just as it is impossible to evaluate what in the victorious end was the result of the fear of the barrage squad behind the soldiers' back or the power of love, pushing forward into the enemy fire.

Keywords: totalitarianism, man, army, war, heroism, love, duty, fear.

For citation: Nickolsky S.A. A Person in a Totalitarian State. Article Two. Heroism in War // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 3. P. 135–154. DOI: 10.31857/S023620070009570-4.

References

1. Alexievich S.A. *Vremya sekond hend* [Second-hand Time]. Moscow: Vremya Publ., 2013.

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне

